

стихи. Например, два студента Тифлисской духовной семинарии имели фамилии Джаошвили и Джинчвелашвили.

Некий Деметриашвили, тоже семинарист в Тифлисе, стал позже агентом охраны и посещал ленинскую партшколу близ Парижа.

АВТОР

В 1876 г. в Тифлисе родился Иван Александрович Джавахишвили. Он учился в Санкт-Петербургском университете, закончил его в 1899 г. Специализировался в армяно-грузинской филологии. Он был одним из организаторов университета в Тифлисе, археологом, историком, знатоком грузинской культуры и палеографии.

В 1895 и 1896 гг. Ивану Джавахишвили было около 20 лет.

Инициал «И.» и сокращение «Дж-швили» его фамилии идентичны подписи под первыми пятью стихотворениями.

Если автором этих стихов был Иван Александрович Джавахишвили, то понятно, почему он об этом не заявил, когда началась история с атрибуцией сталинской поэзии. За два года до своей смерти (он умер в 1940 г.) И. Джавахишвили написал «Поэму о Сталине», которую опубликовал в Ленинграде в 1938 г. Если вспомнить, что в 1939 г. грузинам было так же нелегко выжить, как и в 1937-м, то авторство Сталина становится весьма проблематичным.

Если же эти стихи создал Сталин, то придется признать, что в возрасте 17–18 лет его мировоззрение и характер были прямо противоположными его же мировоззрению и характеру, которые он имел и до 1895, и после 1896 г.

Но огромная масса документов свидетельствует о том, что жизнь Сосо, Кобы, Иосифа Джугашвили-Сталина была лишена поэтической чувствительности.

И. А. КУРЛЯНДСКИЙ

Духовное образование Иосифа Джугашвили

<...> В Гори семья Джугашвили жила напротив собора. Как известно, перспектива духовного служения, определенная для

Сосо верующей матерью, не понравилась его отцу, грубому пьянице: «Ты хочешь, чтоб мой сын стал митрополитом?» — по преданию, восклицал Бесо. — «Ты никогда не доживешь до этого! Я сапожник. и мой сын должен быть сапожником, да и будет он сапожник!», на что мать Сталина, по легенде, ответила: «Я хочу, чтобы мой сын стал священником и стал скорее зарабатывать». История решила по-другому. Ни сапожником, ни митрополитом, ни священником тихий мальчик из маленького города Гори не стал. Еще в период учебы в Горийском духовном училище Иосиф показывал стремление к знаниям, отличался живостью восприятия и любовью к книгам. Он первенствовал, переводясь из года в год первым учеником. Однако уже тогда обнаружилось несродство внутреннего мира мальчика с духовным направлением образования, тонко подмеченное наблюдавшим его в детстве учителем Гогличидзе. «Ввиду того, что в духовном училище воспитывались будущие священники, от них требовалась особая дисциплина, им прививались боголюбие, покорность, терпимость и проч., — писал он. — Необходимо отметить, что на Иосифа Джугашвили эта литература (духовные книги. — *И. К.*) не оказала заметного влияния и в нем нельзя было найти перечисленных выше добродетелей». Соученик Сталина Капанадзе считал, что еще в годы учебы в училище сердце Сосо загорелось «большой ненавистью», т. е. чувством нехристианским.

У мальчика были дарования в сфере искусства. Сосо пел в церковном хоре в Гори прекрасным дискантом. Хор этот участвовал и в торжественных молебнах. И снова дадим слово учителю Гогличидзе:

«У этого очень одаренного мальчика был приятный высокий голос-дискант. За два года он так хорошо усвоил ноты, что свободно пел по ним. Вскоре он стал уже помогать дирижеру и руководил хором... В тот период, когда пел Сосо, в хоре набрались хорошие голоса. При этом и я, как молодой дирижер, был заинтересован в том, чтобы показать себя хорошим руководителем. И действительно, хор у меня был поставлен хорошо. Мы исполняли вещи таких композиторов, как Бортнянский, Турчанинов, Чайковский и др. Сосо хорошо пел в хору учеников духовного училища. Обычно он исполнял дуэты и соло. Часто заменял регента хора... Приятным, высоким голосом и прекрасным исполнением Сосо приводил слушателей в восхищение».

По инициативе Сосо семинарскому хору якобы разрешили и светское пение, и исполнение грузинских песен. И в семинарии он продолжал запевать в кругу товарищей. Состоялись опыты Иосифа и на театральной сцене. Васо Хаханашвили вспоминал: «Мы были увлечены театром и принимали участие в спектаклях, которые устраивали любители сцены. Я помню Сосо в роли маленького сапожника в водевиле „Ни туда, ни сюда“. Нужно сказать, что в 13–14 лет Сосо прекрасно исполнял эту роль». Иосиф не только сам актерствовал, но и ходил на заседания «кружка любителей сцены» в Гори, активно участвовал в устройстве спектаклей в Цхинвалях. Способность к «устройству спектаклей» сказывалась у Сталина и в зрелом возрасте — так, в число поставленных им политических «пьес» входят сфальсифицированные «публичные» «троцкистские» процессы над старой ленинской гвардией 1936–1938 гг. А мастерство в лицедействе было развито им до выдающихся высот. В Гори Сосо начал писать и первые стихи, некоторые сочинял экспромтом. О Сталине-поэте известно, что помимо публикации нескольких стихов в газете «Иверия», по легенде одобренных самим Ильей Чавчавадзе, Иосиф также читал свои стихи вслух семинарским товарищам. «У меня до сих пор звучит в ушах его красивый и звучный стих», — признавался Васо Хаханашвили. Нет оснований считать, что опубликованным исчерпывалось «поэтическое наследие» Сталина. Вероятно, многие его стихи так и остались в рукописи и не дошли до нас.

С виду Иосиф Джугашвили был худой, невысокий, но крепкий мальчик. Он был физически развит, хорошо плавал. Его характеризовали как «шалуна, с ироничным и проницательным взглядом», обладавшего «сильной волей». Мемуаристы рисуют Сосо резвым мальчиком и любителем игр. Например, в одной из таких игр его выбирали «царем», и он давал «очень остроумные» задания и распоряжения своим «визирям». Иногда «Сосо выстраивал нас в ряд, сам выступал в роли командира, и по его команде мы гордо шагали по площади». Детские игры позволяли мальчику примерять на себя роль абсолютного монарха, безраздельно повелевающего подданными. «Приказы» тов. Сосо не были бессмысленными и необоснованными. Мальчик, выполняющий приказ тов. Сосо, или декламировал стихи, или же исполнял какое-нибудь физкультурное «упражнение». «Он не жалел энергии, чтобы победить противника». Друг детства Сталина Петр Капанадзе

приписывает своему товарищу руководящую роль во всех детских играх, что, конечно, является искажением мемуариста, стремившегося в духе «сталиноведения» 1940-х гг. показать, что и в детстве вождь был якобы не обычным мальчиком, а прирожденным лидером всегда и во всем. Однако можно отметить, что подобные игры воспитывали стремление к лидерству.

В характеристиках юного Сталина почти не встречается такое качество, как доброта, но отмечаются смелость, твердость воли и настойчивость в достижении цели и даже «верность товарищескому долгу». Исключение составляет легенда Иашвили о спасении «маленьким мальчиком в Черкесске» девочки, провалившейся под лед на реке в 1889 г., скорее всего выдуманная услужливым мемуаристом, чтобы ярко подчеркнуть «благородство» и «человечность» «вождя». «Когда она стала выздоравливать, мать сказала ей, что «тебя спас Сосо Джугашвили; если бы не он, ты утонула бы; не забывай этого, молись за него». «А была ли девочка?» — перифразируя известный вопрос героя классического романа, вправе спросить исследователь. Откуда мемуарист, тогда мальчик, мог дословно знать слова матери девочки, так и оставшейся ему неизвестной? Вся эта история похожа на сказку и, видимо, таковой и является. Заметим, что рассказ Иашвили отличается восторженной тональностью по отношению к Сталину, экстраполирующей эту восторженность и на прошлое. Так, он пишет: «Как можно было допустить, чтобы кто-либо другой оказался лучше нашего Сосо, чтобы кто-либо мог начинать лучше, чем он. Он всегда в наших глазах был олицетворением всего возможного, совершенного, вершиной умственной и нравственной, совести, чистоты». Можно ли доверять свидетельствам человека, способного на такое льстивое холуйство?

Известно, что склонность человека к садизму проявляется рано. По словам мемуаристов, юный Сосо любил издеваться над животными. Позднее, в семинарии, Иосиф был замечен в издевательствах и над людьми. В одной из записей помощника инспектора семинарии за 1895 г. сказано, за что Джугашвили был наказан стоянием в столовой: «...явившись в первый класс первого отделения на сильный крик, я увидел Лакерова, который в сильном раздражении кричал на Иремашвили и Джугашвили. Оказалось, что два последних ученика систематически насмеваются над Лакеровым, всячески дразнят его и издеваются над ним и приводят его в раздражение. Подобные проделки они позволяют себе часто,

по заявлению Лакерова». Лакеров был не единственной мишенью для таких проделок. Другой инспектор замечает: «Посетив после вечерней молитвы 1-го отделения 2-го класса, я увидел в углу класса Антона Касарадзе, вокруг которого прыгали Джугашвили и Касрадзе Владимир; кто-то из них издавал резкий крик». По замечанию близко знавшего юного Иосифа Иремашвили, для него «высшая радость состояла в том, чтобы одержать победу и внушить страх... С юности осуществление мстительных замыслов стало для него целью, которой подчинялись все его усилия». Думается, с детства в характере Иосифа формировались властность, лицемерие, твердая воля, стремление к манипулированию людьми, смесь рационального ума и патологических черт.

Так как Тифлисская духовная семинария во многих случаях давала бесплатный пансион, туда шли и дети бедняков с разных уголков Грузии. Это объясняет их легкую «революционизированность», так как причиной поступления мальчика в семинарию часто был не интерес к духовному служению, а желание бедных родителей, чтобы ребенок получил бесплатное содержание и образование. Были и бесплатные воспитанники, были и «полустипендиаты», к которым принадлежал будущий Сталин. Но не следует представлять семинаристов как какую-то монолитную среду вольнодумцев. Между ними обозначались две «партии» — одни учились лишь по необходимости, легко бросаясь в вольномыслие или революцию; другие же, вопреки модным тенденциям времени, решились посвятить себя духовному служению, и таких тоже было немало. Иосиф презрительно называл их «замученными Христом». Его товарищ Капанадзе с насмешкой писал о таких «богобоязненных»: «Они были упорными последователями церкви, постоянно зубрили Священное Писание и считали великим грехом чтение каких-либо книг, кроме духовных». <...>

Был ли Сосо к моменту поступления в семинарию верующим? Как и когда начался его путь от Бога? Обращу внимание на четверостишие юного Сталина «Коле Кавсадзе», сочиненное в Гори, в котором прозвучал уникальный для Иосифа мотив церковного заступничества: « Пусть, друг мой Коля, „Гардживари“ / Дарит тебе жизнь долгих лет, / Поможет в деле начинаний, / Хранит тебя от всяких бед». «Гардживари» — церковь вблизи Гори. Публикатор стиха делает оговорку, чтобы избежать в 1940-е гг. обвинений в намеке на «церковность» опытов мальчика Сосо: «Надо полагать,

что товарищ Сталин „Гардживари“ писал во избежание всяких неприятностей, ибо он в бога (здесь и далее мемуаристы писали слово «Бог» с маленькой буквы. — *И. К.*) и чудодейственную силу святых с детских лет не верил». Но вот отсчет начала сталинского неверия остается открытым. А если эти стихи были тогда искренними? Другое объяснение «антирелигиозного» обращения будущего Сталина дает еще один однокашник: «Первые годы учебы в училище он был очень верующим, аккуратно посещал все богослужения... Но вот в третьем или четвертом классе он неожиданно поразил меня чисто атеистическим заявлением: „А знаешь, Гриша, он не несправедлив, его просто нет. Нас обманывают“». В другой редакции воспоминаний Иосиф высказался жестче: «Разговоры о боге — пустая болтовня». С этим свидетельством перекликаются воспоминания другого товарища Сталина по горийскому училищу М. Титвинидзе: «Как-то я в один день получил кучу плохих отметок. Это даже меня расстроило. И я сказал Сосо: я не молюсь богу, и поэтому он мне не помогает. Не сходить ли мне в Гарис-Дживери (монастырь) помолиться? А? Может быть, бог мне поможет. — Сосо рассмеялся: „Нет, Миша, на бога не надейся... Надейся, Миша, только на свою голову и на свои силы“».

Бывает, подобным «духовным поворотам» способствуют и душевные травмы, полученные в детстве. Так, впечатление на Сосо произвело публичное повешение трех разбойников в г. Гори в 1892 г., которое он наблюдал с некоторыми другими мальчиками. По преданию, один из них спросил, будут ли после смерти их жарить на медленном огне. Иосиф ответил: «Они уже понесли наказание, и будет несправедливо со стороны бога наказывать их опять». Другие мемуаристы относят разрыв Сталина с православием именно на семинарский период. Видимо, безбожие росло в Иосифе постепенно еще в годы начального учения, а в семинарии оно укрепилось, стало цельным. При встрече Елисабедашвили в 1898 г. Иосиф в его мемуарах предстает уже проповедником атеизма, обращающим других. Для юного Георгия эта встреча стала моментом, предопределившим его судьбу: «Я слушал Сосо, и в моих взглядах все старое рухнуло. Изменились даже горы, которые я считал творением бога, изменились вещи, и люди стали другими, я несся в далекое, неизвестное мне будущее». В победном тоне описывает Георгий свой «подвиг» на новом поприще, встретивший

одобрение юного Иосифа: «Мы оба вошли в старую церковь и все хорошо осмотрели. Товарищ Сосо, увидев на стенке какую-то икону, видимо кем-то повешенную, сказал: „Ого, смотри, и эта кляча (говорил о церкви и иконе) здесь. Что сделать, Георгий?“ Я сразу на трапезу, сорвал со стены икону, растоптал ногами и обрызгал „водой“. Сосо спрашивает: „Слушай, не боишься бога, что это с тобой?“. Засмеялся, он похлопал (по плечу) и сказал: „Ты прав“». Сцена в древней церкви разыгралась почти inferнальная: совершающий акт кощунства, мочащийся на икону семинарист, сын священника Георгий и смеющийся провокатор, будущий Сталин, который и после насмеялся над ним: «Когда меня срезали на экзамене, Сосо подшучивал: „Не эта ли икона помешала тебе?“» Симптоматично, что, выбрав в дальнейшем путь профессионального революционера, Елисабедашвили в 1901–1902 гг. получил выразительный партийный псевдоним Христос. Кощунство и богохульство — не обязательные спутники атеизма, и атеист может с глубоким уважением относиться к почитанию святых другими людьми. Это проблема не только веры, но и культуры. Думается, склонность к надругательству над святым была и для Сталина с юных лет способом растления его души, первой ступенью в его духовной и моральной деградации как личности. Напомню, что в 1920–1930-е гг. массовое уничтожение святых, сопровождаемое зачастую вандализмом, их осквернением, сопутствовало сталинской политике коллективизации и «культурной революции». Никогда ни в одном из своих выступлений генсек не осудил происшедшие тогда массовые сожжения икон и церковных книг.

Исследователь Е. С. Громов полагает, что в ходе приобщения Сталина к марксизму произошло своего рода «замещение веры», когда ее объект (православие) сменился другим (марксизм). Якобы привитый Сталину в детстве фундаментализм и догматизм просто получил новое приложение. Мне представляется такой вывод упрощенным. Нет оснований говорить о «фанатизме» веры Иосифа еще в детстве. Полагаю, вера у горийского школьника была, но оказалась не прочной, данное верующей матерью религиозное воспитание — поверхностным, в детском развитии сказывалось больше влияние улицы, чем семьи. Эти факторы сказались на утрате веры.

Решающим элементом в духовном становлении Иосифа были не семинарские лекции, а книжное самообразование. К чтению

Сосо пристрастился еще в годы учения в Гори. Он пользовался там небольшой частной библиотекой, где были преимущественно книги грузинских авторов — так вошли в его жизнь сочинения И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Бараташвили, Р. Эристави, Д. Чонкадзе, Ш. Руставели, В. Пшевела, считавшиеся корифеями грузинской литературы. Тогда же был прочитан им знаменитый роман А. Казбеги «Отцеубийца», оказавший значительное влияние на жизнь Иосифа, давший ему вдохновляющий пример жизни романтического разбойника Кобы. Коба воплощал собой идею насилия, направленного на благие цели, и руководствовался антихристианским мотивом кровной мести. По словам Иремашвили, «Коба стал для Сосо богом, смыслом его жизни. Он хотел стать вторым Кобой, борцом и героем, знаменитым, как этот последний». Справедливо наблюдение Е. С. Громова, что художественная литература подтачивала в будущем Сталине веру в Бога. Художественные образы увлекали — они потакали страстям, разжигали эгоизм, тщеславие, гордость.

Семинарский круг чтения юного Сталина точно восстановить невозможно. Можно определить только, что он был обширен и касался разных областей знаний. Будущий вождь был талантливым самоучкой и книголюбом, что роднило его с судьбой целого ряда российских революционеров, тоже недоучившихся. Получаемые таким образом знания не были ни фундаментальными, ни систематическими; они формировали образ дилетанта «широкой специализации» — с претензиями на компетентность в самых разных областях человеческой мысли. Именно к этой когорте недоучившихся дилетантов-революционеров примыкает и Сталин. Какие именно книги оказали большее влияние на его развитие, остается только предполагать. Сам вождь в своих выступлениях и статьях редко прибегал к книжным заимствованиям. Его немногочисленные цитаты из русских классиков (главным образом Гоголя, Чехова и Щедрина) носят эпизодический характер и никак не показывают какого-либо значительного влияния русской литературы на культурный облик вождя. Отголосок семинарского почитания Пушкина можно увидеть в решении Сталина пышно отметить столетнюю годовщину со дня смерти великого поэта в знаковом для советского государства 1937 г. Однако каких-либо пушкинских мотивов в сочинениях «Кобы» нет. Каких-то авторов, якобы читаемых в то время, авторы воспоминаний явно до-

думывали, чтобы показать энциклопедическую образованность будущего вождя. Так, совсем не так активно распространялась в Тифлисе марксистская литература, чтобы уже в то время юный Сталин мог широко знакомиться с ее работами (как придумывали потом мемуаристы), но какие-то переводные марксистские статьи он в то время, очевидно, читал. Среди авторов семинарского чтения называют русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Достоевского, Некрасова, Чехова, Щедрина, Тургенева, Гончарова, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева; европейских классиков — Шекспира, Шиллера, Байрона, Гюго, Гете, Гейне, Гомера, Данте, Мильтона, Диккенса, Теккерея... Из общественной и научной литературы — Маркса, Энгельса, Каутского, Фейербаха, Плеханова, Либкнехта, Бебеля, Герцена, Аристотеля, Монтескье, Дарвина, Туган-Барановского, Летурно, Тимирязева, Мечникова, Спинозу, Канта, Милля, Гегеля, Рибо, политэкономистов Адама Смита, Риккардо, Милля, Спенсера, Леббси, Гибсона, Мальтуса, историков Бокля, Гизо, Шлоссера, Маколяя, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и т. д. Можно заметить отсутствие в том списке авторов Серебряного века. Не имелось в нем представителей богословия или русской религиозной философской мысли. Круг подпольного чтения семинаристов имел явную атеистическую или агностическую направленность. Книгами воспитывались, и книги помогали усваивать атеизм. Вера считалась несовместимой с книжной наукой. Юный Сосо, по мемуарам, использовал книгу с целью пропаганды безбожия среди других учащихся семинарии. «Мы, равно мыслящая молодежь, ставили себе целью изжить у семинаристов веру в бога, церковь и вооружить их научным знанием, — записывал мемуарист, — то, что учили в семинарии, о боге, душе, человеке, необходимо было преодолеть и отвергнуть». И произведения русских классиков Иосиф использовал для пропаганды. Иосиф принял критику Л. Н. Толстым «Догматического богословия» митрополита Макария (Булгакова), носившую антицерковный характер. Толкуя эту книгу, он говорил первокурсникам: «Какой там бог, все это выдуманно попами для того, чтобы держать народ в покорности». По одному свидетельству, Иосиф испещрил своими пометами находящейся в семинарской библиотеке экземпляр «Бесов» Достоевского — самый антиреволюционный роман великого писателя. Возможно, что это легенда, но интерес к религи-

озным размышлениям и Достоевского, и Толстого сохранялся и в зрелом Сталине, о чем свидетельствуют его сохранившиеся пометы к «церковным» главам в «Братьях Карамазовых» и к толстовскому «Воскресению».

Любопытен и описанный в мемуарах способ чтения запрещенных книг семинаристами. Листы книжки часто закладывались между страницами церковных книг. Так обманывались надзирающие монахи. «Тайно, на занятиях, на молитве и во время богослужения, мы читали „свои“ книги». Библия лежала открытой на столе, а на коленях семинаристы держали запрещенную литературу. Если Сосос запрещенными книгами попадался, то наказывался предупреждениями или карцером, который не следует отождествлять с тюремным. Впоследствии сталинский режим унаследует у царизма эту ненависть к вольному печатному слову и возрастит ее до фантастических размеров. Сталинская цензура по своей свирепости многократно превзошла все «чугунные уставы» царизма, а попытки чересчур любознательных советских граждан обойти сталинские препоны и запреты карались уже не символическими «карцерами», а многолетними тюрьмами, ссылками и лагерями, а то и расстрелом. Думается, Сталин в годы духовной учебы в юности понял мощь печатного слова, и когда сам стал своего рода царем, то серьезно развил опыт своих семинарских преследователей. <...>... Издевательский иезуитский режим устанавливался бывшим семинаристом для всей страны. <...>

Воспитанники жили скученно, распорядок их дня был строго регламентирован — молитвы, богослужения, подготовка к занятиям, занятия, еда, сон... <...> Строгость семинарского режима выражалась в ряде запретов — посещения театров, библиотек, чтения вольных книг, газет, журналов и проч. Однако учеников отпускали днем гулять в город, да они и сами находили возможности бывать в городе и в урочные часы. Там они в полной мере подвергались влиянию светской культуры; посещали театры, концерты, гуляния, городские и общественные библиотеки. Так и якобы недоступные произведения светской литературы, как было показано, проглатывались семинаристами в большом количестве. По воспоминаниям, систематическим отлучкам помогал дворник, который «за небольшую мзду» впускал или выпускал семинаристов по вечерам — «кого в театр, кого на вечеринку, кого на сходку. Пользовался услугами этого дворника и Джугашвили».

Так что если и можно было назвать семинарию «тюрьмой», то «либеральной», с «дырами», то есть с выходами на «волю». Время от времени и Иосифа подвергали обыскам, которые мало что давали, но толки о якобы его «систематическом преследовании» в бурсе, полагаю, далеки от реальности. Безусловно, угнетало учащихся-грузин отсутствие преподавания на родном языке, в чем была дань обычной русификаторской практике в духовных учебных заведениях, хотя сам грузинский язык как предмет в семинарии преподавался.

Был ли интерес у Сосо к занятиям? Николай Дмитриевич Махатадзе преподавал в первых трех классах семинарии гражданскую историю — как всеобщую (всемирную), так и русскую, которая делилась на древнюю, среднюю, новую и новейшую. Он вспоминал, что программа по этому предмету отличалась основательностью, отмечал, что Иосиф «любил историю». «Он обладал необыкновенной памятью и большим умом... Он даже ничего не записывал на лекциях, а все запоминал... Он умел оценивать исторические факты и события, стоя у стенной карты в классе и показывая на ней упомянутые исторические места. Помнил все хронологические даты. Рефераты же по историческим темам в первые годы обучения семинарии всегда писал на „весьма хорошо“ и „отлично“... Другие семинарские науки, насколько мне известно, мало удовлетворяли его пытливый ум, кроме математики и литературы». Отечественную историю изучали по учебнику Рождественского, а «среднюю» европейскую — по учебнику Иловайского. В дальнейшем интерес Сталина к гражданской истории устойчиво сохранялся на разных этапах его жизни и деятельности. Что касается преподаваемых в семинарии церковных сюжетов, то, по воспоминаниям, Иосиф не скрывал своего пренебрежительного к ним отношения. Так, он «просил преподавателя объяснить, каким образом Ной умудрился разместить в таком сравнительно небольшом судне, как ковчег, всех зверей, животных, птиц и гадов». Однажды преподаватель спросил ученика, как надо понимать выражение Библии: «И обонял Бог благоухание жертвы Ноевой». Сосо как бы про себя, но достаточно громко произнес: «Значит, запахло шашлыком», и весь класс разразился хохотом.

Учеба Джугашвили в бурсе неуклонно шла по нисходящей линии. Отличник в духовном училище, он не смог поддержать ту же высокую планку в семинарии. Первый класс (1894–1895)

Иосиф окончил твердым «хорошистом», имея тройку лишь по гражданской истории. Годовые оценки за второй класс (1895–1896) показали лишь только одну пятерку — по церковно-славянскому пению и четверки по остальным предметам. Но уже провальным для Сосо оказался третий класс семинарии (1896–1897) — средний балл 3,5, ни одной пятерки, тройки по церковной истории и Священному Писанию, переход с пятого места в списке успевающих на 16-е (из 24). 4-й класс (1897–1898) оказался для Иосифа еще более трудным, чем предыдущий, — тройки почти по всем предметам и, как результат, — двадцатое место в списке успевающих (из 23). Как известно, весной 1899 г. экзамены он не сдавал, но ему выдали впоследствии аттестат с «троечными» результатами и за этот год. С третьего класса падает и дисциплина Сосо. В кондуитном журнале семинарии учащаются записи о его грубости и наказаниях.

Что же случилось с успехами когда-то способного ученика? Ответ очевиден — он потерял интерес и к церковным предметам, и духовному образованию в целом. Его поглощали другие занятия, не оставлявшие на успеваемость времени: «Все более и более теми и другими предметами манкировал Джугашвили, уроками и богослужениями, все чаще и чаще всеми способами ухищрялся он ускользнуть на вечера из семинарии»; «в третий год с ним произошла какая-то перемена, после чего он абсолютно бросил подготовку уроков... он не читал закон божий и разные духовные произведения, а, наоборот, противоположные к ним и т. д.». Мемуарист справедливо считал, что Сталин в старших классах семинарии сознательно отказался от духовной карьеры. Публицист М. Е. Кольцов в биографическом очерке о Сталине написал емко: «Он, как волчонок, смотрел в лес». И в этой связи уже не столь важно, что стало поводом для исключения будущего Сталина из семинарии в мае 1899 г. (формально — за неявку на экзамен). Отсутствие интереса в продолжении образования и стало, по моему убеждению, главной причиной ухода Иосифа из духовной школы.

Духовная школа объективно стала для Сталина школой безбожия. Не подходил трудный путь духовного служения для талантливого, но честолюбивого юноши, одержимого волей к власти. Революционная карьера в чреватом бурными потрясениями российском обществе казалась более предпочтительной и в итоге принесла нашему герою успех.